

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ «ИМПЕРИИ» НОВОГО ТИПА

Владимир Аватков*
Татьяна Тюкаева**

Исторически сложилось так, что регион, охватывающий Северную Африку и Ближний Восток, в силу своего геополитического положения и ресурсной базы представлял и продолжает представлять огромное значение для наиболее сильных государств мировой политической системы. Активную политику в целях реализации своих интересов на этой территории осуществляли в разное время европейские (колониальные) державы, российское государство, США. В современном мире их вовлеченность в дела региона сохраняется – в той или иной степени – и становится все более многоуровневой и разноформатной с учетом глобализационных процессов, неотъемлемыми участниками которых являются сегодня страны Северной Африки и Ближнего Востока. Появляются и новые игроки – в частности, все больше возрастает присутствие здесь Китая ввиду его возрастающих экономических и особенно энергетических потребностей. Кроме того, активно происходит передел сфер влияния со стороны внутрорегиональных игроков – монархий Залива, а также Турции и Ирана, хотя и выводимых российской политической наукой за пределы преимущественно арабского Ближнего Востока и Северной Африки – традиционно осуществляющих масштабную политику в регионе. Их комплексная политика лежит в основе новых форм лидерства и новых форматов регионального управления.

Так или иначе, говорить о существовании и развитии именно подсистемы, а не просто региона Ближнего Востока и Северной Африки вполне обоснованно по целому ряду внутренних и внешних по отношению к подсистеме факторов. События «арабской весны», в очередной раз подтвердившие наличие определенной целостности подсистемы, а также сохраняющуюся важность региона для основных акторов мировой политики, послужили катализатором масштабных трансформаций и запустили очередной этап перераспределения сфер влияния со стороны в большей степени именно региональных игроков, среди которых необходимо выделить Турцию, Саудовскую Аравию, Иран и Катар.

Говоря о региональной подсистеме, необходимо понимать, что это не просто территория близких между собой географически государств. Традиционно указывается на наличие целого ряда характеристик, в частности – наличие некой общности в сфере политики, экономики, безопасности и готовность действовать на основе этих общих интересов и в рамках созданных для реализации этих целей институтов. Важным компонентом является историческая

и культурная близость элементов системы [12. С. 80]. Неотъемлемым качеством региональной подсистемы, что особенно подчеркивает Т.А. Шаклеина, является наличие ядра – в форме сильного государства (или группы государств) или устойчивой системообразующей институциональной структуры. Очевидно, что отсутствие такого ядра приводит к тому, что отдельные части системы отделяются от нее, зачастую становясь частью других подсистем, формируе-

* Аватков Владимир Алексеевич, преподаватель военной кафедры МГИМО(У) МИД России

** Тюкаева Татьяна Иршатовна, магистрант МГИМО(У) МИД России

мых внешними центрами силы [12. С. 80], примером чего в разные периоды истории становился регион Ближнего Востока и Северной Африки.

Ближневосточная подсистема, согласно приведенным выше критериям, имеет право рассматриваться в качестве таковой: историческая и культурная близость обуславливается схожими проблемами колониального прошлого многих государств, а также превалирующими на территории региона исламской культуры (на бытовом уровне различия между странами минимальны) и арабского языка. Несмотря на продолжающиеся уже не первое десятилетие разговоры об арабском единстве и попытки (в большинстве неудавшиеся) институциональной реализации этой идеи, в арабских обществах в силу особенностей социальной структуры наблюдается склонность арабов идентифицировать себя в первую очередь с определенным кланом или страной и только в последнюю очередь – с общеарабской уммой. Тем не менее, взаимосвязь между арабскими обществами, которая объективно существует от Марокко до Ирака, особенно наглядно проявилась на фоне событий «арабской весны» - волны арабских протестных движений, начавшихся в Тунисе в декабре 2010 года и распространившиеся по «эффекту домино» по всему региону. Зазвучали лозунги глав государств и общественных организаций о помощи, в частности, «братским» ливийскому и сирийскому народу. Кроме того, традиционным объединяющим фактором на общественном уровне является ненависть к «сионистскому врагу» и приверженность идее создания арабского палестинского государства.

На государственном уровне взаимосвязи между государствами региона заметно слабее. Торгово-экономические отношения практически не развиты (относительно интенсивная торговля, как правило, осуществляется исключительно между непосредственно граничащими между собой странами). Существующая институциональная структура – универсальная с точки зрения сфер деятельности региональная организация – Лига арабских государств объективно не является общепризнанным среди арабов системообразующим институтом: решения в нем принимаются в основном под давлением Саудовской Аравии, что повлекло разговоры о том, что Лига стала прикрытием для агрессивной политики Эр-Рияда, действующего исключительно в своих интересах [10].

Важно, что по таким принципиальным вопросам деятельности государства, как экономика и безопасность, страны региона в значительной степени зависят от внерегиональных игроков – европейских государств и США, а также частично России. В целом, в связи с явным отсутствием регионального центра силы сложился следующий баланс: монополия в вопросах ВТС фактически закреплена за американцами, обеспечивающими поставки современного вооружения и организующими военные учения и подготовку кадров (в эту монополию в последние годы пытаются вмешаться Франция и Россия), кроме того, США в значительной степени зависят от региона – в частности от монархий Залива – в энергетическом плане; экономическое сотрудничество – особенно в Северной Африке – в основном развивается с государствами ЕС. Кроме того, наблюдается заметное расхождение – и даже противостояние – интересов между государствами, что определяется устоявшимися военно-политическими и экономическими отношениями с Западом одних режимов и резкой антиамериканской и антизападной риторикой – других.

Тем не менее, мы рассматриваем регион именно как подсистему в силу еще одного не менее важного фактора – сложившееся представление о регионе [3. С. 157], восприятие совокупности государств как единого целого, причем это как самовосприятие (что может выражаться на общественном уровне, а также в политике государств, претендующих на лидерство в регионе, которые именно границами региона определяют свою сферу влияния, что особенно заметно в политике Саудовской Аравии и Турции и их проектах «нового халифата» и «неоосманской империи», в меньшей степени – Ирана и Катара), так и восприятие региона внешними игроками, реализующими здесь свои интересы – это прежде всего США с их проектом Большого Ближнего Востока.

Региональная держава нового типа: smart power и система иерархичных сетей

Существование региональной подсистемы, как уже отмечалось, требует наличие ядра – государства, группы государств или институтов. В ситуации высокой степени разобщенности стран региона – особенно на государственном уровне (с учетом слабости единственной общерегиональной организации ЛАГ и постоянно присутствующих между государствами политических противоречий) регулирующую роль здесь

традиционно играют США, имеющие военные базы в Персидском Заливе и неоднократно вмешивающиеся в региональные процессы в целях (а) обеспечения своей энергетической безопасности, (б) безопасности своего главного форпоста в лице Израиля, а также (в) в рамках своей стратегии «демократизации», которую, впрочем, можно рассматривать как продолжение первых двух ключевых причин.

При объективно сохраняющемся значении Ближнего Востока для США [22] сегодня – в отличие от политики глобального унитаризма Вашингтона в 1990-е и 2000-е гг. [14] [11] – явно наметилась тенденция к постепенному облегчению американского «бремени» в вопросах региональной безопасности за счет передачи части ответственности своим региональным союзникам – Турции, члену НАТО и последовательному союзнику американцев, и монархиям Залива (в первую очередь – Саудовской Аравии), где располагаются американские военные базы. Параллельно с этим, начали возрастать и амбиции региональных держав в сфере наращивания своего влияния: на фоне традиционного антагонизма Саудовской Аравии и Ирана, олицетворяющих соперничающие суннитское и шиитское направления в исламе, заметно активизировалась в регионе Турция – с приходом к власти умеренно исламистской Партии Справедливости и Развития (ПСР); на волне «арабской весны» о своих претензиях на лидерство в регионе неоднозначно заявил Катар. Однако прежде, чем говорить о каждом из региональных игроков, необходимо определить понятие региональной державы.

По аналогии с качествами мировой «великой державы», под региональной державой имеет смысл понимать государство, которое в региональном масштабе, в силу своего значительного экономического, военного, демографического, информационного, культурного и интеллектуального потенциала, заметно превышающего общерегиональный уровень, способно оказывать «преобразующее влияние» на региональное развитие в разных сферах [13. С. 284]. Важными характеристиками региональной державы – как и мировой – следует считать высокую степень внутри- и внешнеполитической самостоятельности, наличие исторического опыта, традиции и культуры активного участия в региональных процессах, а также способности и желания мыслить и действовать в масштабах региона [13. С. 284].

Стоит, однако, оговориться, что региональная держава – в отличие от «великой» – может и не обладать рядом качеств, необходимых на глобальном уровне: в частности, представляется, что наличие «традиционных параметров великой державы» (территория, ресурсная база и даже военный потенциал), а также неперенный исторический опыт в области общерегиональной политики, у региональной силы могут быть нивелированы за счет других качеств или за сравнительно короткое время накоплены. Это, в частности, иллюстрируется примером Катара, карликового государства, полностью зависимого в военном отношении от США и едва ли имеющего традицию государственности (не говоря уже об общерегиональной политике), который за последнее десятилетие сделал значительный рывок в своем развитии и за счет богатой ресурсной базы сумел накопить внушительный экономический, демографический, научно-технический и информационный потенциал, а также активно включился в региональные процессы и стал влиятельным игроком [8] [6].

Итак, каждая из региональных держав ближневосточной подсистемы – Саудовская Аравия, Турция, Иран и Катар – активно действуют в масштабах региона, наращивая свое влияние на каждой из досок «трехмерных шахмат», по выражению Ная [21. С. 39], причем помимо традиционных политического и экономического направлений интенсивно наращиваются связи на общественном уровне. По мере роста значения «мягкой силы» в современном мире, государства все больше внимания уделяют своему имиджу в глазах населения региона, в связи с чем заметно активизировалась их конкуренция в информационном – медийном – пространстве. Используются и инструменты «жесткой силы» такие, как экономическое давление, материальная помощь и даже военное вмешательство. Другими словами, в соответствии с требованиями современного мира в стремлении реализовать свои внешнеполитические амбиции региональные державы наращивают свою «умную силу» (smart power) [15], комбинируя «силу влияния» с влиянием внешнеполитическим и экономическим.

Саудовская Аравия является традиционным претендентом на лидерство как в арабском, так и исламском мире. Саудовский монарх, являясь носителем титула «хранителя двух святынь [ислама]», часто выступает с призывами арабского и му-

сульманского единства, особенно часто звучащих с начала событий «арабской весны». Кроме того, энергетическая держава Саудовская Аравия, до недавнего времени являясь неоспоримым лидером субрегиона Залива, оказывает обильную экономическую помощь ряду государств региона, позиционирует себя как главного защитника палестинского народа, а также очевидно играет решающую роль в рамках ЛАГ и, соответственно, в решении военно-политических вопросов ближневосточной подсистемы. В идеологическом плане Эр-Рияд осуществляет политику по наращиванию влияния салафитов на Ближнем Востоке и Северной Африке – в противостоянии «шиитской угрозе», исходящей от Ирана, а также продвигает свой имидж посредством СМИ (канал «Аль-Арабия» и ряд панарабских газет).

В связи с активной политикой Саудовской Аравии в разных сферах и практически во всех уголках арабского мира – не только в непосредственно «своем» субрегионе Залива (1), но и на Ближнем Востоке, а также в Южном Средиземноморье (традиционно вовлекаемом в европейскую подсистему) – заговорили о проекте халифата. Под халифатом понимается политика Саудовской Аравии по вовлечению в сферу своего влияния «мягкой» или «жесткой» силой стран региона и выстраиванию своеобразной иерархии во главе с саудитами [16]. Претендует Саудовская Аравия и на лидирующее место в масштабах исламского мира, в рамках которого действует такая структура, как Организация Исламского Сотрудничества (ОИС) со штаб-квартирой в Эр-Рияде. Являясь главным спонсором ОИС, саудовцы вынуждены соперничать за влияние в ней с Ираном, также заявляющим о себе как о лидере мусульманского мира. О небольшой и временной победе в этом соперничестве можно говорить в связи с избранием саудовского представителя в феврале 2013 г. генеральным секретарем организации (вступил в должность с 1 января 2014 г.) [9].

Новый игрок в регионе – Катар, начавший активно противопоставлять себя Саудовской Аравии, действует фактически теми же средствами – экономическая помощь лояльным политическим группам стран региона, поддержка салафитов, военно-политическое участие в региональных процессах (например, ливийский и сирийский кризисы), информационная поддержка посредством канала «Аль-Джазира». Между

тем, лидерский потенциал катарцев едва ли сравним с саудовским: несмотря на присущую катарскому руководству большую гибкость, отсутствие у Дохи «привычки управлять», имеющейся у трех других претендентов на лидерство в ближневосточной подсистеме. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что Катар в лучшем случае способен только «отобрать» руководство в выстраиваемом саудитами халифате (но не выстроить его самому), при этом, бесспорно, составляя серьезную конкуренцию Саудовской Аравии на экономической «доске» в регионе.

Возвращение Турции в регион Ближнего Востока и Северной Африки после однозначно прозападной ориентации Анкары со второй половины XX века и до прихода в начале 2000-х гг. к власти ПСР, а также «неоосманистские» амбиции ее лидера – не являются случайностью. Имеющая историческую традицию лидерства [7] Турция в последнее десятилетие проводит масштабную политику в целях наращивания своего присутствия в регионе, главным образом – экономического (посредством деятельности турецких компаний в разных сферах), политического (посредством установления и развития отношений с политическими партиями – преимущественно умеренно-исламистскими Братьями мусульманами), гуманитарного (посредством сотрудничества в образовательной сфере и распространения турецкого языка), причем как на государственном, так и на общественном уровнях. Свидетельством положительного образа Турецкой Республики в регионе являются многочисленные дискуссии о привлекательности «турецкой» политической («исламской демократии») и экономической моделях развития. Кроме того, подкреплением имперских амбиций служит и серьезный военный потенциал – второй по величине в рамках НАТО.

В связи с успешной реализацией стратегии ПСР на арабском направлении стало правомерным говорить о стремлении Турции воссоздать «османскую империю» нового качества, посредством не территориальной аннексии, а последовательной, комплексной, многоуровневой политики по наращиванию своего политического, экономического и культурного влияния в регионе [2]. Стоит отметить, что Турция претендует не просто на «надрегиональное» лидерство – с ее проектами на Балканах (то есть в европейской подсистеме) и в тюркском мире [1. С. 5-11] (в начинающей

выстраиваться евразийской подсистеме), не говоря уже о начавших сравнительно недавно звучать заявлениях о единстве мусульман всего мира и председательстве турецкого представителя с 2005 г. в ОИС. В законе 2010 г. Турецкая Республика заявляет о себе как о «державе, способной и стремящейся осуществлять мирополитическую деятельность, выступать в качестве регулятора и брать на себя ответственность за судьбу региона и даже мира». Другими словами, можно говорить о том, что Турция, на сегодняшний момент являясь региональной силой и двигаясь на пути к «надрегиональности», в стратегической перспективе стремится выйти на глобальный уровень.

Иран является также одним из традиционных исторически игроков, активно осуществляющих политику в регионе. Доставшееся со времен Персидской империи в наследие современному иранскому руководству и обществу имперское сознание, подкрепленное если не глобальной, то надрегиональной стратегией распространения ценностей Исламской революции с 1979 года сохраняется в реальности и сегодня. В идеологическом плане Тегеран является главным антагонистом суннитских-салафитских монархий Залива (главным образом – Саудовской Аравии), что отражается в их противостоянии во всех сферах – начиная с культурной и заканчивая экономической и военно-политической. Иранское руководство, несмотря на очевидные экономические трудности, связанные с его антизападной риторикой с момента Революции 1979 года, оказывает лояльным силам (не только шиитам) в регионе обильную военную помощь, а также пытается развивать гуманитарные связи посредством сети культурных центров [4]. В рамках политики по укреплению своего влияния в регионе стоит рассматривать и соперничество в рамках ОИС с Саудовской Аравией, и ядерную программу, а также начавшуюся с приходом Роухани нормализацию (вероятно, временную) с США – как попытку стабилизировать экономику в результате ослабления санкционного бремени – с одной стороны, и заставить Запад поверить в необходимость снижения его (западной) вовлеченности в региональные дела – с другой.

Небезынтересно отметить, что сегодняшние региональные державы действуют не только традиционными средствами, развивая сотрудничество со странами Ближнего Востока и Северной Африки на

государственном и общественном уровне. Представляется, что наращивая свою «умную силу» в конкуренции за передел сфер влияния в арабо-исламском мире, каждая из держав стремится к созданию своей «империи» - причем, «империи нового типа» - в форме «неоосманской империи» или халифата, в основе которой лежит не ушедшее в прошлое громоздкое государственное образование, объединяющее территориально-географически ряд государств, а сложная сетевая структура гибких партнерств и плотных, интенсивных связей разного типа [16], разного уровня и в разных сферах – схожая по модели с тем, о чем говорили Хардт и Негри в своей «Империи», правда, в отношении США. В их видении, новая империя «не устанавливает территориального центра власти и не опирается на фиксированные границы и барьеры. Это децентрализованный и децентрализующий аппарат правления, который шаг за шагом включает весь глобальный мир в пределы своих открытых расширяющихся границ. Империя управляет гибридными идентичностями, подвижными иерархиями и множественными обходами через модулирование сетей команд...» [5]. Таким образом, каждая из региональных держав выстраивает сеть формально равноправных элементов [17], представляющую собой гибрид между не-иерархичными сетями, как они обычно понимаются [23], и иерархичными структурами управления (Рис. 1), традиционными для государство-центричного мира в рамках сложившейся Вестфальской системы. В центре каждой из этих иерархичных сетей четыре региональные державы ставят себя.

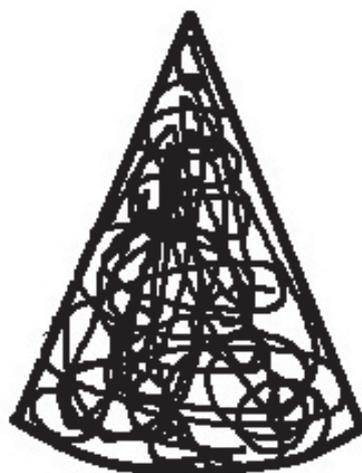

Рисунок 1. Иерархичная сеть гибридных связей.

Конкурирующее лидерство как ядро подсистемы Ближнего Востока и Северной Африки

Представляется, что современная региональная подсистема Ближнего Востока и Северной Африки в своей основе имеет именно конкурентное взаимодействие четырех иерархических сетей гибких партнерств, подразумевающих наличие не постоянных союзников, а постоянных интересов, состоящих, в свою очередь, в наращивании региональными державами сферы своего влияния. Динамичное соперничество иерархических сетей-«империй» также подразумевает возможность временного сотрудничества между одними претендентами на лидерство в регионе против других. Таким образом, формируется саморегулирующаяся и самобалансирующаяся система конкурирующего лидерства в ближневосточной подсистеме (Рис. 2), составляющая ее ядро и определяющая ее контуры.

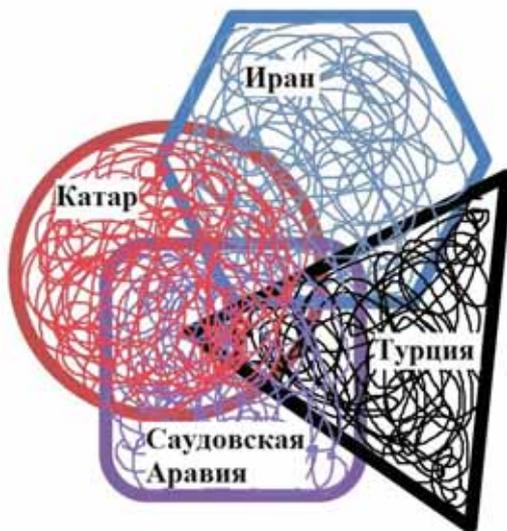

Рисунок 2. Четыре системы иерархических сетей и гибридных связей.

Лидерство - «многогранно и может реализовываться как модель поведения в разных формах» [24. С. 138]: примером именно такого многоформатного и полигранного лидерства является политика региональных держав в ближневосточной подсистеме. Лидерство, как отмечается, формируется и реализуется посредством взаимодействия (co-constitution) с другими – как объектами такой политики государств, так и соперниками, другими лидерами [24. С. 139]. Оран Янг выделяет три основные модели реализации лидерства: структурное (structural), отражающее реальный ресурсный потенциал субъекта и реализуемое посредством

выстраивания коалиций, интеллектуальное (intellectual), формирующее восприятие другими принципов международных (в том числе и внутрирегиональных) отношений, и предпринимательское (entrepreneurial), мотивационно-мобилизационное, представляющее способность субъекта привлечь на свою сторону сторонников для взаимовыгодной реализации собственных целей [24. С. 141-143].

Складывающаяся модель четырехстороннего полимерного лидерства в подсистеме Ближнего Востока и Северной Африки отражается не только в разнообразии сфер и уровней деятельности, но также и предложенных Янгом форм реализации внешней политики соперничающих региональных держав. Саудовская Аравия, Турция, Катар и Иран с учетом имеющегося у них потенциала (политического, военного, экономического, организационного) не только выстраивают гибкие системы своего рода коалиций – причем, как с государствами региона (2), так и между собой, стремясь параллельно повлиять на формирование основ регионального порядка с его принципами функционирования и привлечь на свою сторону за счет продвижения собственного имиджа в арабо-исламском мире как можно больше сторонников из числа правительств и негосударственных акторов.

Важным, между тем, в деятельности новых региональных держав остается их взаимодействие с глобальными игроками, «великими державами»: применительно к ближневосточной подсистеме, в частности, это в первую очередь касается США. С учетом сохраняющейся значимости региона для Вашингтона едва ли можно ожидать, что американцы существенно сократят свое присутствие здесь: скорее целесообразно говорить о разделении «бремени ответственности» с региональными державами, три из которых являются традиционными союзниками Америки, несмотря на их заметное стремление к самостоятельности и независимости от своего заокеанского партнера. Необходимо понимать, что выстраиваемая динамичная система конкурирующего лидерства отвечает интересам США в регионе в том смысле, что по своей природе исключает усиление одной из держав, что позволяет Белому дому сохранять рычаги влияния на каждую из них. Примечательно, что и Иран, который не состоит даже в дружественных отношениях с американцами, идеально вписывается в эту систему, объективно уравнивая ее.

* * *

По замечанию Парага Ханны, именно «отношения между империями формируют мир» [19. С. 13-14]. Не соглашаясь с мнением американского специалиста о существовании в современных международных отношениях трех империй с центрами в США, ЕС и Китае, представляется логичным отметить, что мирополитическая повестка дня создается и реализуется в процессе взаимоотношений формирующихся региональных империй «нового типа» Латинской Америки, Европы, Ближнего Востока и Средней Азии, Малой Евразии, Восточной и Юго-Восточной Азии, зачастую пересекающихся, накладывающихся друг на друга в рамках сложной системы разноформатных связей в различных сферах.

Процессы глобализации, становящиеся по мере своего распространения все более комплексными и многогранными, накладываются на эти межимпериальные взаимодействия, ускоряя и усложняя их. Возрастающая сегодня взаимозависимость – это «паутина, однако с несколькими пауками. Империи, хотя и являясь источником мира и процветания, редко могут воздержаться от того, чтобы не вмешаться в соседнюю империю. Глобализация это упрощает до беспрецедентных масштабов» [19. С. 23]. Именно на основе такого взаимовмешательства и будет развиваться в дальнейшем мирополитическая система; именно на основе такого взаимовмешательства строится ре-

гиональная подсистема Ближнего Востока и Северной Африки.

Примечания:

(1) В рамках Совета Сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) на саммите в декабре 2013 г. вновь был поставлен вопрос о преобразовании Совета в Союз и активизации интеграции в сфере безопасности. Интеграционная группировка сформирована, главным образом, в попытке противостоять Ирану [18].

(2) В традиционную коалицию Саудовской Аравии, например, входит субрегион Залива (в том числе Йемен) и арабские монархии Иордании и Марокко, а также салафитские группировки; членами турецкой коалиции в определенном смысле могут считаться умеренно исламистские политические силы стран региона в лице Братьев мусульман; иранская коалиция включает шиитские регионы; Катар, отделившийся от саудовской коалиции, на волне «арабской весны» стремится создать свою, вклиниваясь в существующие коалиции Саудовской Аравии и Турции. Стоит подчеркнуть, что формат коалиций, очевидно, далек от традиционного союзничества между государствами: членами коалиций фактически являются негосударственные акторы в лице отдельных политических сил или этнических групп.

Литература:

1. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. №2(27). 2013.
2. Аватков В.А., Тюкаева Т.И. Турецкая политика в арабском мире: ни победы, ни поражения // Институт Ближнего Востока. 13.12.13 // <http://www.iimes.ru/?p=19014>
3. Байков А.А. Международная интеграция в теоретическом дискурсе // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013.
4. Балмасов С.С. Об активности Ирана в Северной Африке // Институт Ближнего Востока. 13.09.12 // <http://www.iimes.ru/?p=15543>
5. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005.
6. Билан В.Н. Катар: кризис региональных амбиций // Институт Ближнего Востока. 26.07.13 // <http://www.iimes.ru/?p=17983>
7. Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 13.12.05 // http://www.globalaffairs.ru/number/n_5965
8. Касаев Э.О. О нынешнем эмире Катара // Институт Ближнего Востока. 20.09.13 // <http://www.iimes.ru/?p=18248>
9. Новым генсеком ОИС станет представитель Саудовской Аравии // РИА Новости. 07.02.13 // <http://ria.ru/world/20130207/921641987.html>
10. Сапронова М.А. Новая роль ЛАГ в региональных и международных отношениях // сайт МГИМО // <http://mgimo.ru/news/experts/document236328.phtml>

11. Шаклеина Т.А. Преобладание гегемонии // Россия и США в мировой политике. М., 2012.
12. Шаклеина Т.А. Становление нового мирового порядка в 2010-х годах // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник/ под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013.
13. Шаклеина Т.А. Феномен и параметры великодержавности // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник/ под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013.
14. A National Security Strategy For A New Century // Federation of American Scientists. December 1999 // <http://www.fas.org/man/docs/nssr-1299.pdf>
15. A smarter, more secure America. CSIS Commission on Smart Power // Center for Strategic and International Studies. 2007 // http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf
16. Avatkov V., Tyukaeva T. The Kremlin and the Caliphate in the Arab-Muslim world // Russia Direct. 23 July 2013 // <http://russia-direct.org/content/kremlin-and-caliphate-spheres-influence-arab-muslim-world>
17. Bacevich A. New Rome, New Jerusalem // JSTOR. 2002 // <http://www.jstor.org/discover/10.2307/40260639?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21103090556527>
18. Gulf Union on agenda at annual GCC summit // Al Arabiya English. 10 December 2013 // <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2013/12/10/Gulf-Union-on-agenda-at-annual-GCC-summit.html>
19. Khanna P. Imperial relations // The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. New York: Random House, 2009.
20. Legro Jeffrey W. The Omnipower. The US and regional orders // Regional Powers and Regional Orders / Godehardt, Nadin and Naders, Dirk (ed). Routledge, 2011.
21. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.
22. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly // The White House Office of the Press Secretary. 24 September 2013 // <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>
23. Slaughter, Anne-Marie. A New World Order // Princeton University Press. 2005 // <http://press.princeton.edu/chapters/i7712.html>
24. Wehner L. Roles and actions of leadership. Brazil and South American others // Regional Powers and Regional Orders / Godehardt, Nadin and Naders, Dirk (ed). Routledge, 2011.

SOME FEATURES OF A NEW TYPE OF REGIONAL EMPIRE

Historically the Middle Eastern and North African region with its geopolitical and natural resources has been quite important for the main powers in the world political system. In the different periods of history the countries of the region saw active involvement of European colonialists, the Russian state and the US which tried to realize their own interests. Today their participation to a certain extent remains and is transforming to become multilevel and of various formats, with regard to the globalization processes the North African and Middle Eastern countries are a part of. Besides, we may notice new actors getting involved in the region. Particularly, it is possible to talk about China's increasing participation with its growing energy demand. Apart from that, a major redistribution of spheres of influence is taking place among the Gulf Monarchies, Turkey and Iran (with the latter two still being a part of the predominantly Arab region) that may be

considered traditional actors in regional processes. Their complex policies lay the basis of the new forms of leadership and regional governance.

It is vital to consider the regional system of the Middle East and North Africa (Middle Eastern system), not just the region of Middle East and North Africa, for there is a number of exterior and interior factors. Having once again demonstrated that there is a certain entity and the region is still vital for major actors in the world politics, the Arab Spring has triggered a new stage of redistribution of spheres of influence among regional powers, namely Turkey, Saudi Arabia, Iran and Qatar.

Vladimir A. Avatkov,
Lecturer, Department of Military Training,
MGIMO-University under the MFA of Russia
Tatyana I. Tyukaeva,
Master's course Student, MGIMO-
University under the MFA of Russia

Ключевые слова:

региональная подсистема, Ближний Восток и Северная Африка, лидерство, региональная держава, региональная империя

Keywords:

regional order, Middle East and North Africa, leadership, regional power, regional empire

References:

1. Avatkov V.A., Badranov A.Sh. «Miagaia sila» Turtsii vo vnutrennei politike Rossii [Turkey's Soft Power In Russia's Internal Policy] // Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and Governance. 21st century]. No. 2 (27). 2013.
2. Avatkov V.A., Tyukaeva T.I. Turetskaia politika v arabskom mire: ni pobedy, ni porazheniia [Turkish policy in the Arab world: no victory, no failure] // Institut Blizhnego Vostoka [Middle East Institute]. 13 December, 2013 // <http://www.iimes.ru/?p=19014>
3. Baikov A.A. Mezhdunarodnaia integratsiia v teoreticheskom diskurse [International integration in theoretic discourse] // Megatrendy: Osnovnye traektorii evoliutsii mirovogo poriadka v XXI veke [Megatrends: the main courses of world order evolution in the 21st century] / T.A. Shakleina, A.A. Baikov (ed.). Moscow, 2013.
4. Balmasov S.S. Ob aktivnosti Irana v Severnoi Afrike [On Iran's activity in North Africa] // Institut Blizhnego Vostoka [Middle East Institute]. 13 September, 2012 // <http://www.iimes.ru/?p=15543>
5. Batalov E.Ja. Mirovoe razvitiie i mirovoi poriadok (analiz sovremennykh amerikanskikh kontseptsii) [International development and world order: contemporary American concepts analysis]. Moscow, 2005.
6. Bilan V.N. Katar: krizis regional'nykh ambitsii [Qatar's crisis of regional ambitions] // Institut Blizhnego Vostoka [Middle East Institute]. 26 July, 2013 // <http://www.iimes.ru/?p=17983>
7. Druzhilovskii S.B. Turtsiia: privychka upravliat' [Turkey: the habit to govern] // Rossiia v mirovoi politike [Russia In Global Affairs]. 13 December, 2005 // http://www.globalaffairs.ru/number/n_5965
8. Kasaev E.O. O nyneshnem emire Katara [About the new Qatar Emir] // Institut Blizhnego Vostoka [Middle East Institute]. 20 September, 2013 // <http://www.iimes.ru/?p=18248>
9. Novym gensekom OIS stanet predstavitel' Saudovskoi Aravii [Saudi representative to become a new Secretary General in OIC] // RIA Novosti [RIA News]. 07 February, 2013 // <http://ria.ru/world/20130207/921641987.html>
10. Saponova M.A. Novaia rol' LAG v regional'nykh i mezhdunarodnykh otnosheniakh [The New Role of the Arab League in Regional and International Relations] // MGIMO-University. 17 March, 2013 // <http://mgimo.ru/news/experts/document236328.phtml>
11. Shakleina T.A. Preobladanie gegemonii [Hegemony domination] // Rossiia I SSHA v mirivoy politike [Russia and the USA in the world politics] / Shakleina T.A. (ed.). Moscow, 2012.
12. Shakleina T.A. Stanovlenie novogo mirovogo poriadka v 2010-kh godakh [Forming of a new world order in 2010s] // Megatrendy: Osnovnye traektorii evoliutsii mirovogo poriadka v XXI veke [Megatrends: the main courses of world order evolution in the 21st century] / T.A. Shakleina, A.A. Baikov (ed.). Moscow, 2013.
13. Shakleina T.A. Fenomen i parametry velikoderzhavnosti [Superpower phenomenon and parameters] // Megatrendy: Osnovnye traektorii evoliutsii mirovogo poriadka v XXI veke [Megatrends: the main courses of world order evolution in the 21st century] / T.A. Shakleina, A.A. Baikov (ed.). Moscow, 2013.
14. A National Security Strategy For A New Century // Federation of American Scientists. December 1999 // <http://www.fas.org/man/docs/nssr-1299.pdf>
15. A smarter, more secure America. CSIS Commission on Smart Power // Center for Strategic and International Studies. 2007 // http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf
16. Avatkov V., Tyukaeva T. The Kremlin and the Caliphate in the Arab-Muslim world // Russia Direct. 23 July 2013 // <http://russia-direct.org/content/kremlin-and-caliphate-spheres-influence-arab-muslim-world>
17. Bacevich A. New Rome, New Jerusalem // JSTOR. 2002 // <http://www.jstor.org/discover/10.2307/40260639?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21103090556527>
18. Gulf Union on agenda at annual GCC summit // Al Arabiya English. 10 December 2013 // <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2013/12/10/Gulf-Union-on-agenda-at-annual-GCC-summit.html>
19. Khanna P. Imperial relations // The Second World. How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. New York: Random House, 2009.
20. Legro Jeffrey W. The Omnipower. The US and regional orders // Regional Powers and Regional Orders / Godehardt, Nadin and Naders, Dirk (ed). Routledge, 2011.
21. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.
22. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly // The White House Office of the Press Secretary. 24 September 2013 // <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>
23. Slaughter, Anne-Marie. A New World Order // Princeton University Press. 2005 // <http://press.princeton.edu/chapters/i7712.html>
24. Wehner L. Roles and actions of leadership. Brazil and South American others // Regional Powers and Regional Orders / Godehardt, Nadin and Naders, Dirk (ed). Routledge, 2011.